

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.347

*Е. В. Родионова^{1,2}, С. Д. Савин^{1,2}***ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ***

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

В статье дается обзор основных направлений исследований в области этнических и конфессиональных отношений в современной России. Этносоциальные проблемы рассматриваются в ракурсе развития этносоциологии, но с учетом междисциплинарного подхода к проблеме. При этом периодизация развития науки соотносится с изменениями в предметном поле этносоциологических исследований и возникновения новых подходов к анализу таких проблем как национализм, этнический конфликт, национальная идентификация, ксенофобия, этнический статус и этнические стереотипы, толерантность и др. Прослеживается динамика изменений в общественном сознании по ключевым вопросам этносоциальных отношений с 1989 г. Делается вывод об особой значимости на современном этапе фундаментальных научных разработок, направленных на мониторинг этносоциальных процессов, разработку стратегических направлений национальной политики, основывающейся на системе научно обоснованных показателей разного уровня (национальных, региональных, местных). Библиогр. 17 назв. Табл. 3.

Ключевые слова: этнические отношения, этносоциология, национализм, этнический конфликт, национальная идентичность, ксенофобия, этнический статус, толерантность.

ETHNIC AND SOCIAL PROBLEMS IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGY*E. V. Rodionova^{1,2}, S. D. Savin^{1,2}*

¹ St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation

The article gives a brief review of main research trends in the field of ethnical relationships in contemporary Russia. Ethnic and social problems are viewed through the prism of ethnic-based sociology, but the interdisciplinary features of such research in this field are also highlighted. The article also charts the development of and correlates it with changes in ethnical studies in this field and also with the emergence of new approaches in analyzing such problems as nationalism, ethnical conflicts, national identity, xenophobia, ethnical status and ethnical stereotypes, tolerance, and so forth. The dynamic of changes in public opinion concerning ethnic relations since 1989 have been analyzed in this article.

* Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

The importance of fundamental scientific researches focused on ethnical processes and strategic national policy development is emphasized. Refs 17. Tables 3.

Keywords: ethnical relationships, ethnical sociology, nationalism, ethnical conflicts, national identity, xenophobia, ethnical status, tolerance.

Распад Советского Союза и становление новой российской государственности с неизбежностью актуализировали проблему нациестроительства и связанных с нею сложных вопросов межэтнического взаимодействия. Так называемый «парад суверенитетов» в структуре федеративных отношений в самой России в 1990-х гг. был прямым следствием общих этнополитических процессов в Советском Союзе. Вслед за бывшими советскими республиками СССР о национальном суверенитете заговорили и в автономных республиках Российской Федерации. Лозунгом «Берите себе суверенитета, сколько сможете проглотить» попыталось воспользоваться большинство «этнонациональных» территорий в составе РФ. Еще за год до распада Советского Союза, в августе–октябре 1990 г., были приняты декларации о государственном суверенитете более десяти субъектов России, среди которых — Чечено-Ингушская АССР, Татарская АССР, Башкирская АССР, Карельская АССР, Коми АССР, Якутская АССР и др.

Такие дезорганизационные процессы и процессы децентрализации не могли не сказаться на формировании новых федеративных отношений, которые российские власти во главе с президентом Б. Н. Ельциным пытались выстроить через систему договорных отношений с регионами. Неравенство прав субъектов Федерации (асимметричная федерация), официально закрепленное в трех видах договоров с федеральным центром, и даже отсутствие таких соглашений с Татарстаном и Чечней привело к целому ряду глубоких этноконфессиональных противоречий и конфликтов, часть из которых не снята в полной мере и до сих пор. Речь идет о проблемах этнонационализма и ксенофобии между самими народами России, неравенстве прав и статуса этнических групп, потере культурных и социальных связей между жителями разных регионов и местных поселений. Все это закономерно вылилось в ряд этноконфессиональных конфликтов, самым масштабным и трагическим из которых стал чеченский кризис.

Положение с государственным единством России в начале 1990-х гг. было критическим. В 1992 г. уже 23 автономные территории в России ввели собственные ограничения по перемещению товаров за свои границы, многие не платили налоги федеральному центру, некоторые даже создавали собственные вооруженные формирования (например, Аварский народный фронт им. имама Шамиля). Особенно серьезную опасность для единства Федерации представляли Северо-Кавказский регион с идеей образования Горской республики и Волжско-Уральский регион с планами по созданию Великого Татарстана. По данным Центра этнополитических исследований, на начало 1993 г. на территории постсоветского пространства было зафиксировано 153 очага этнической напряженности и конфликта: в России — 71, в Закавказье — 23, на Украине — 17 (в том числе попытка создания Донецко-Криворожской республики), в Средней Азии — 16, в Казахстане — 8, в Прибалтике — 8, в Молдове — 7, в Беларуси — 3 [1, с. 103].

Ситуация постепенно стабилизировалась после выстраивания конфигурации политической системы российского общества, ее институциональных основ,

закрепленных в Конституции РФ 1993 г. Постепенно обозначаются новые контуры национальной политики Российского государства, основанной на принципах мультикультурализма, религиозной терпимости, толерантности, соблюдения прав и свобод на территории всей страны, но в то же время нацеленной на создание общей национальной и социокультурной идентичности российских граждан, на интеграционные процессы, этноконфессиональный мир и национальное единство как базовые ценности общества. Если в 90-е гг. XX в. только разрабатывались основы этой политики и шли активные дискуссии общественности по поводу общих принципов национальной политики, то уже в начале 2000-х гг. стали активно приниматься комплексные меры по формированию национальной политики, затрагивающие все сферы общественной жизни. В правовой сфере ключевое значение имели решения Конституционного суда о признании положения о государственном суверенитете республик противоречащими федеральному законодательству [2]. В решениях утверждается, что Конституция РФ не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Заметное воздействие на политический процесс оказало создание крупных общественно-политических сил — движений «Отечество», «Вся Россия» и «Единство», на основе которых в 2001 г. была создана крупнейшая проправительственная партия «Единая Россия». В самих названиях этих политических сил была отражена интегративная тенденция в политической жизни. Важные шаги в этот период были предприняты и в рамках административно-территориальной реформы системы управления, бюджетной политике, социальной политике и др. В частности, создание в 2000 г. в структуре полномочных представителей президента семи федеральных округов с целью более координированной работы федеральных органов власти в регионах, а также контроля соблюдения конституционных норм способствовало уменьшению факторов политической нестабильности в России, снижению уровня опасности сепаратизма.

Большое влияние на общественное сознание оказывали и внешнеполитическая обстановка, факторы международных отношений. Для России исторически серьезное значение имеет политическая обстановка на постсоветском пространстве. Одно дело, когда процессы в системе и ее ближайшем окружении развиваются в едином ритме, и совсем другое дело, когда в их развитии нет синхронности и когда «открытая» общественная система не может справиться с потоком внешних импульсов. На этом основании и получили развитие в современном мире так называемые информационные войны, основная задача которых — победа над массовым сознанием противника. В связи с конфликтными процессами на постсоветском пространстве особенно острыми стали проблемы формирования политическими элитами так называемой «национальной истории», которая является, с одной стороны, важнейшим культурно-информационным ресурсом власти новых государств, а с другой — средством борьбы крупных геополитических сил [3, с. 294].

Таким образом, на этносоциальные отношения в России существенное влияние оказали и продолжают оказывать трансформационные процессы в области политики, экономики, социальной и духовной сфер. Не сложилась в постсоветской России и устойчивая модель социальной структуры общества, о чем свидетельствуют

высокий профиль пирамиды социальной стратификации, резкая дифференциация доходов населения, воспринимаемая большинством как несправедливая. Эта общая проблема социального неравенства, как мы увидим из исследований, имеет свою специфику и с точки зрения неравенства этнического статуса, что, в свою очередь, приводит к возрастанию уровня межэтнической напряженности и конфликтности, особенно в условиях высокой миграции.

Разумеется, масштабные системные изменения в этнополитических отношениях не могли не вызвать отклик в общественных науках. Широкий предметный спектр исследований отражен в научной периодике за последние 25 лет. Среди них прежде всего можно выделить такие авторитетные научные издания в области социологии, как: «Социологические исследования (СоцИс)», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», «Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», «Мир России: социология, этнология». Только в вышеперечисленных изданиях мы насчитали более трех сотен по преимуществу социологических публикаций по вопросам этнических и конфессиональных отношений.

Известно, что социология дает комплексное видение социальных проблем в контексте всей совокупности факторов, внутренних и внешних связей. И это позволяет социологии быть ядром междисциплинарных исследований, нацеленных на решение разнообразных практических задач, что отчетливо проявилось уже в первый советский период ее развития в нашей стране. Предметом социологии выступает общество как система, и каждый элемент социальной реальности социология рассматривает с точки зрения его структурно-функциональных связей в обществе и факторов, его обуславливающих (политических, социальных, экономических, социокультурных и др.). Соответственно, основными областями этносоциологических исследований выступают, с одной стороны, специфика жизнедеятельности этносоциальных групп, их поведения и характеристик сознания (практики религиозной деятельности, характер труда, межэтнические браки, двуязычие, этническая и национальная идентичность, социализация, ксенофобия, толерантность и др.); с другой стороны, системные характеристики этноконфессиональных отношений в обществе (этнополитические факторы стабильности, этнические и конфессиональные конфликты, миграция, сепаратизм, ирредентизм и другие этносоциальные процессы и явления, влияющие на динамику общества).

От дружбы народов к этническому конфликту (1970-е гг. — начало 1990-х гг.)

На первом этапе развития этносоциологии в России преобладали исследования, связанные с изучением практик культурного взаимодействия этнических групп. С конца 60-х гг. XX в. в Советском Союзе несколькими структурными подразделениями Академии наук проводились исследования, направленные на изучение проблемы интернационализма, формирования общности — советский народ, проблем межэтнических браков и бытовых отношений, социальных проблем этноязыковых процессов, на выявление уровня мобильности, сходства в ценностях и ориентациях этнических групп, а также отдельные этнографические исследования, в которых быт и традиции народов изучались в социологическом ракурсе жизни советского общества, интеграции и взаимодействия культур. Среди тем конкретных

исследований выделялись: межнациональные контакты на промышленных предприятиях, интернациональное воспитание молодежи, процесс интернационализации быта населения городов и сближения народов в уровне включенности этнических групп в урбанизацию. Самым крупным проектом советского периода стало исследование под руководством Ю. В. Арутюняна «Оптимизация социально-культурных условий развития наций» (1972–1992 гг.), обобщившее эмпирический материал по пяти республикам (РСФСР, Эстония, Молдавия, Грузия, Узбекистан) [4, с. 103].

Исследовательский вектор резко сменился в конце 1980-х — начале 90-х гг., когда место интернационализма в результате широкого формирования национальных движений занял национализм. Повсеместный рост этнонационализма в советских республиках, автономиях и местах компактного проживания этнических групп неизбежно приводил к конфликтам и кризисам в области межэтнических отношений, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение предметного интереса формирующейся отечественной этносоциологии в сторону исследования противоречий в этносоциальных процессах, ксенофобии, этнических стереотипов, конфликтов, а также проблемы этнической мобилизации и различных видов национализма. Среди авторов новых исследований отметим Р. Г. Абдулатипова, Л. М. Дробижев, В. Н. Иванова, С. М. Савву, З. В. Сикевич, Н. Г. Скворцова, Г. В. Старовойтову, В. А. Тишкова и др. Изучались ошибки национальной политики СССР, способствовавшие его распаду, факторы возникновения и развития национальных движений (политико-административные, экологические, социальные, экономические, демографические, культурные), изменения в системе ценностных ориентаций населения и причины, обусловившие быстрый и драматический характер децентрализации общества.

В период начала 1990-х гг. были проведены специальные исследования, направленные на изучение этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. Предметная и концептуальная область была существенно расширена за счет изучения проблем социально-культурной дистанции этнических групп, политико-идеологических ориентаций, этнических интересов, этницизма и сепаратизма и проблемы национальной идентичности. Этносоциологические исследования давали ответы на вопросы о потенциале этнической мобилизации, фрустрации, мере депривации, готовности социальных групп к экстремистским действиям, о базе поддержки политических сил, участвующих в конфликтах, легитимности местных, региональных и центральных властей [5, с. 70–71].

В частности интерес представляет серия исследований под руководством Л. М. Дробижевой, предметом анализа которых было реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. Это был уже несколько иной ракурс исследования в сравнении с изучением социальной стратификации народов, этнических групп, которое велось в отечественной этносоциологии прежде. Одними из наиболее значимых индикаторов стали: статус этнической группы в общественном сознании и индивидуальном опыте; представления о справедливости и доверии у разных этнических групп; восприятие социального неравенства и стратегии экономической мотивации; гендерные аспекты неравенства и другие показатели. Полученные данные свидетельствовали что в полиэтнической среде причину жизненных трудностей люди часто связывают с этничностью. Однако авторы

исследования отмечают, что средние слои этнических групп различных регионов, которые выделялись на основании субъективных оценок или самоидентификации, более склонны к толерантным установкам в социальной сфере и сфере межэтнических взаимодействий. Таким образом, положительная самооценка в группе средних слоев может способствовать интеграции в обществе и снижению потенциала межэтнических конфликтов [6].

Появились и первые исследования, посвященные этносоциологическому изучению русских, особенностям этнического самосознания, социальных установок и стереотипов [7, 8]. Тем самым восполнялся пробел в этносоциологических исследованиях советского периода, когда выделять русский этнос в качестве самостоятельного объекта было не принято. Однако первый этап исследований русских был связан с трудным периодом формирования нового этнического самосознания, которое характеризовалось амбивалентностью и расколотостью.

Еще одна важная особенность новых социологических исследований — внимание к местным проблемам. К локальным исследованиям можно отнести небольшие исследования, направленные на выявление этносоциальных проблем «на местах»: в небольших городах, муниципальных образованиях, поселениях. Л. Л. Хоперская, В. А. Харченко отмечают, что «локальные конфликты выступают формой проявления назревающих региональных конфликтов. Территориально локальные конфликты охватывают небольшие географические пространства (небольшие городские и сельские поселения, муниципальные образования), но вовлекают в свою орбиту практически все население этих районов» [9, с. 164].

В целом, можно отметить, что исследовательский период 1990-х гг. расширил теоретические рамки этносоциологии и смежных наук и положил начало научному мониторингу этносоциальных процессов в российском обществе. При этом показатели меры включенности в этническую сферу, глубины этнического самосознания, динамики и характера межэтнических отношений, а также политика государства стали непременно учитываться при изучении этничности и этнического самосознания [4, с. 104].

В исследовательском поле мониторинга этноконфессиональных проблем и изучения общественного мнения в период начала 1990-х гг. выделились ведущие центры: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), Институт социологии академии наук (ИС РАН), Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Отметим некоторые из проектов и результатов исследований периода 1990-х — начала 2000-х гг.

ИСПИ РАН (руководитель Г. В. Осипов) с 1992 г. начал проект социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». Уникальность этого проекта в том, что по результатам мониторинга по авторской методике дается оценка индекса социально-политической устойчивости (стабильности) российского общества. На основе этого проекта и других исследований делается ежегодный доклад о состоянии и проблемах развития российского общества. Первый такой доклад, вышедший в 1994 г., имел ключевое значение, поскольку содержал программные положения проекта и давал комплексный анализ масштабной трансформации российского общества периода 1989–1994 гг. [10]. Он также содержал прогнозы и альтернативные проекты реформ в России.

В докладе отмечается тот факт, что до 1989 г. межэтнические отношения в Советском Союзе в целом не были конфликтными. Но в период 1989–1990 гг. вследствие перерастания многих общедемократических и экологических движений в республиках в националистические произошло резкое изменение обстановки, отразившееся и на состоянии общественного сознания. Манипулятивное влияние лидеров этих движений на массовое сознание проявилось достаточно явно. Большинство опрошенных ИСПИ РАН в 1991 г. (от 60 до 80 %) отмечали, что причины обострения межнациональных конфликтов они усматривают в кризисе власти, игнорировании интересов населения и социально-экономическом кризисе, высказывалось отрицательное отношение к этнократизму. Также среди факторов назывались низкая культура межнационального общения и использование жизненных трудностей людей криминальными элементами, лидерами этнонациональных группировок и политиками [10, с. 71–72].

В исследовании 1991 г. под руководством В. Н. Иванова «Межнациональные конфликты и пути их преодоления» была также практически впервые выявлена распространенность этнофобских настроений в обществе. Доля людей, положительно ответивших на вопрос «Есть ли такие национальности, к представителям которых Вы испытываете неприязнь?», составила от 20 до 35 % в разных регионах. Первые места в этом антирейтинге заняли армяне, азербайджанцы, грузины и обобщенные «прибалты». В целом, оценивая ситуацию в регионах России, более 25 % опрошенных отметили возможность возникновения межнациональных конфликтов. В этом авторы исследования обнаружили дополнительный фактор того, что в массовом сознании существует достаточно высокая установка на активное участие в конфликте на стороне своей национальной группы (более 1/3 опрошенных) [10, с. 75].

Цепная реакция суверенитетов и кровавые этнотерриториальные конфликты могли стать реальностью в России почти сразу после распада СССР. Однако, как это ни парадоксально, по данным социологов, население России в целом достаточно оптимистично смотрело на будущее Федерации. В критический период (осень 1992 г.) только 19 % респондентов считали, что Россия обречена на дальнейший распад, 21 % — что сохранит свои границы, а 51 % — даже выразили уверенность в том, что начнется новое объединение народов вокруг России [10, с. 209–210]. Думается, что эта интеграционная основа сознания россиян, которую не успели расколоть быстрые социально-политические изменения, и явилась основным фактором этнополитической устойчивости российского общества.

Национализм как ксенофобия или гражданственность как основа национального единства

С 1989 г. анализ динамики этнических установок населения России стали проводить и другие исследовательские центры. В частности, такой мониторинг проводит ВЦИОМ. Специальные исследования этнических установок и стереотипов в тот период проводились ВЦИОМ в 1989, 1994, 1999 гг. Но надо отметить, что на преемственность тех исследований и авторство методик претендует и Левада-Центр, который образовался в результате раскола ВЦИОМ в 2003 г. Поэтому, говоря про сравнительные данные исследований 1990-х и 2000-х гг., можно в зависимости от методики опроса выстраивать сравнительные данные обоих центров.

Типичными вопросами, выявляющими уровень этнофобии, были вопросы об оценке угрозы со стороны других этнических групп и возможности предоставления привилегий титульным народам (табл. 1, 2).

*Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Представляют ли угрозу безопасности и порядку в России
проживающие в ней люди других национальностей?» [11, с. 43]*

Ответы	1996 г.	2000 г.
Да, представляют	33 %	56 %
Нет, не представляют	63 %	43 %

*Таблица 2. Распределение ответов на вопрос
«Должны ли русские пользоваться преимуществами
при назначении на ответственные должности?» [11, с. 43]*

Ответы	1999 г.	2003 г.
Да	31 %	59 %
Нет	48 %	23 %
Затрудняюсь ответить	21 %	18 %

Со второй половины 1990-х гг. изучение проблем ксенофобии начинает тесно связываться в исследованиях ВЦИОМ с проблемой развития русского национализма. При этом исследователи ставили своеобразный диагноз состоянию массового сознания россиян — ущемленная форма советского имперского сознания, перенося этот вывод на этническое самосознание русских. Показательным в этом плане является анализ вышеприведенных результатов опроса известным социологом, ныне директором Левада-Центра Л.Д. Гудковым, из которых он сделал следующий вывод: «Комплексы национальной ущемленности и неполноценности выражаются не только в усилении партикуляристских компонентов в структуре массовой идентичности, подавлении потенций рационализации собственного травматического прошлого, но и в прямом росте этнократических установок, распространении диффузного расизма, пока еще только ищущего себе идеологического оформления и обоснования. В этом плане усиление партикуляристских ориентаций может означать также и нейтрализацию интеллектуальных возможностей критики шовинизма, состояние массового отупения» [11, с. 44]. Анализ характеристик этического сознания русских изобилует выражениями «моральная и интеллектуальная депрессия», «изоляциялизм», «рост подозрительности и агрессии» и др. Хотя, если рассмотреть конкретные факторы, которые привели к некоторому возрастанию этнофобий, то мы поймем, что это прежде всего опасения людей за свою безопасность в связи с чеченским конфликтом, распространением новой угрозы терроризма, ростом преступности и социального расслоения в обществе. Национализм в этом случае выступает не как ущербность, а скорее как естественное стремление к самосохранению нации в условиях системного общественного кризиса.

Если говорить о конкретных проявлениях этнофобии в обществе в 1990-х — начале 2000-х гг., то здесь мы можем наблюдать некоторую динамику в зависимости от миграционных тенденций и политической ситуации. Так, от антисemitских настроений в 1980-е гг. после выезда многих евреев в Израиль этнофобские настроения сместились в период распада СССР на этнических представителей Закавказья и Прибалтики, а затем с ростом миграции и чеченским конфликтом — к негативным установкам к кавказцам вообще и представителям Средней Азии. Как отмечает А. Леонова по результатам данных ВЦИОМ, наиболее негативное отношение, всегда превышающее средние показатели, в период с 1994 по 2003 г. было к трем этническим общностям: азербайджанцам, чеченцам и цыганам («отношение с раздражением, неприязнью» высказывали более половины респондентов) [12, с. 83–84]. Выявляя динамику этнических настроений, А. Леонова делает вывод, что «минувшее десятилетие характеризуется неуклонным ростом общей этнической неприязни, причем настроения враждебности выходят за пределы групп, традиционно являющихся носителями шовинистической идеологии, и распространяются на слои, ранее являвшиеся оплотом ценностей толерантности и универсализма» [12, с. 83–84].

Что касается проблемы антисемитизма, то, несмотря на некоторое снижение ксенофобских установок к евреям в начале 1990-х гг., после кризиса 1998 г. и политического краха так называемой «семибанкирщины» в России эта проблема вновь обострилась. В политике появились резонансные выступления А. Макашова, Г. Зюганова и ряда других оппозиционных политиков по еврейскому вопросу. Поэтому, сравнивая результаты двух социологических опросов по отношению к российским евреям (1996, РОМИР по заказу Американского еврейского комитета (АЖС) и 1998, ВЦИОМ), Р. Брим видел угрозы обострения обстановки по этому вопросу и даже дал им название «эффекта Макашова» [13, с. 43]. Суть его заключается в том, что при стабильной политической обстановке количество антисемитов в среднем равно количеству носителей ксенофобско-националистических установок среди населения — около 15 %. И по этому показателю Россия практически не отличается от других стран. Однако проблема в том, что Россия нестабильна и череда кризисов может привести к управляемому взрыву антисемитизма (мобилизации «затруднившихся с ответом»), как это не раз было в истории России. И здесь важна роль именно крупных политических сил, таких российских политических лидеров, которые могут приглушить антисемитские настроения или, напротив, разыгрывать их в зависимости от преследуемой цели [13, с. 46–47].

Думается, подобные выводы связаны в данном случае с личностной оценкой самого автора. Но в целом отметим, что исследования проблем национализма и ксенофобии в России представляют наиболее развитую область мониторинга и здесь уже можно выявлять длинные динамические ряды, такие, например, как в вопросах ВЦИОМ и Левада-Центра: «Как вы относитесь к идее “Россия для русских”?»; «Какое значение имеет для Вас слово “национализм”?»; «Следует ли ограничить проживание на территории России людей определённых национальностей?»

Перейдем к динамике проблем ксенофобии и национализма на современном этапе.

Большой интерес представляет серия исследований межэтнической напряженности, реализованных Центром изучения национальных конфликтов совместно

с «Клубом регионов» под общим названием «Гроздь гнева». На данный момент были реализованы две волны исследований и представлены два рейтинга соответственно:

1. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России (осень 2013 — весна 2014) [14];

2. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России (весна–осень 2014) [15].

В процессе исследования необходимо было выявить влияние факторов межэтнической напряженности в каждом регионе. Был выделен целый комплекс факторов: групповая этническая идентичность; динамика изменения численности этнических групп; негативная публичная риторика; характер соседства между этносами; исторические претензии этносов друг к другу; титульный характер одного из этносов; экономические интересы; этническая преступность; национализм; политизация межэтнических конфликтов; близость мегаполисов (особенно Москвы и Санкт-Петербурга); уровень жизни; способы территориального размещения приезжих; позиция государственной и муниципальной власти; архаизация социальной структуры регионального сообщества; деятельность СМИ.

Проводился сопоставительный анализ данных мониторинга и данных, полученных от экспертов, затем составлялся рейтинг регионов по уровню межэтнической напряженности. Соответственно выделялись регионы с очень высокой степенью межэтнической напряженности, регионы с высокой степенью напряженности, регионы со средней степенью межэтнической напряженности и регионы с низкой степенью межэтнической напряженности

При проведении первой волны исследования по рейтингу межэтнической напряженности в 2013 г. эксперты выделили следующие ее причины: неконтролируемая миграция; социально-экономическая депрессия, приводящая к «поиску виновных» и ксенофобии; отсутствие внятной национальной политики; неосведомленность населения о реальной ситуации и отсутствие культуры межнационального общения; противостояние элит и кланов на фоне высокого уровня коррупции и массовой бедности в ряде национальных республик; низкая ответственность СМИ, зачастую раздувающих конфликты; распространение радикального ислама и активность других государств [14].

В 2014 г. ситуация, по мнению экспертов, несколько смягчилась. Данные второго замера в период с весны по осень 2014 г. показывают, что произошло значительное снижение общего уровня межэтнической напряженности. «По сравнению с предыдущим полугодием количество проявлений межнациональной вражды сократилось на 35 %» [15]. Эта тенденция касается всех выделенных нами категорий конфликтных действий, кроме интернет-экстремизма. Оценивая уровень межэтнической напряженности на 2014 г., исследователи отмечают, что, несмотря на некоторый спад, в российском социуме сохраняются негативные тренды, такие как волна плохо контролируемой миграции, геттоизация Москвы и Санкт-Петербурга, экспансия радикального ислама, архаизация Северного Кавказа, замалчивание этнических проблем в регионах.

Рассмотрим также данные социологических исследований, проведенных Левада-Центром в 2014 г. [16]. В аналитическом отчете о состоянии общественного мнения в России было представлено несколько тем, касающихся этносоциальных

проблем: отношение к мигрантам, уровень ксенофобии, межэтнические отношения. При ответе на вопрос «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей?» среди респондентов не наблюдается резкого негативного отношения к другим народам. Причем необходимо отметить, что доля часто испытывающих неприязнь к людям других этнических групп постоянно за последние 10 лет, в период с 2004 по 2014 г. она составила лишь 3 % опрошенных. Доля респондентов никогда или практически никогда не испытывавших неприязнь к людям другой этнической принадлежности в 2014 г. составила 50 % опрошенных. При этом пик этнофобских настроений пришелся на период 2013 г., когда уровень враждебности превышал 20 % [16, с. 141].

Отношение к выходцам с Северного Кавказа и из Средней Азии, объединенных в одну группу в анализе Левада-Центра, также менялось в последнее десятилетие. С 2005 г. происходит постепенное увеличение доли испытывающих к ним неприязнь — с 21 % в 2005 г. до 30 % в 2013 г. Доля испытывающих раздражение к этим народам возросла с 20 % в 2005 г. до 25 % в 2013 г., при этом доля испытывающих положительные чувства (уважение, симпатия) не изменялась и оставалась на уровне 3 % респондентов. Приведенные данные показывают, что около половины опрошенных респондентов испытывают негативные чувства по отношению к народам Северного Кавказа и Средней Азии, хотя и здесь есть место положительной динамике: если в 2013 г. доля испытывавших какие-либо негативные чувства к этим народам составляла 61 % (страх — 6 %, неприязнь — 30 %, раздражение — 25 %), то в 2014 г. эта доля снизилась до 48 % (страх — 7 %, неприязнь — 21 %, раздражение — 20 %) [16, с. 143].

Если мы обратим внимание на динамику изменения отношения к различным народам, то полученные результаты также подтверждают высокий уровень ксенофобии по отношению к различным народам. Так, в вопросе «Следует ли ограничить проживание на территории России людей определенных национальностей?» доля ответивших, что не следует вводить подобное ограничение, составляет около 20 % на протяжении последних 10 лет, с 2004 по 2014 гг. Лидерами «антирейтинга» в 2014 г. стали выходцы с Кавказа — 38 %, выходцы из бывших среднеазиатских республик СССР — 33 % и вьетнамцы — 27 %. Доля тех респондентов, которые полагают, что ограничить проживание нужно для всех народов, кроме русских, изменялась незначительно, в пределах 5 % на протяжении последних десяти лет.

В декабре 2015 г. на базе Ресурсного центра интернет-исследований СПбГУ был проведен телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга, направленный на выявление этнического статуса различных этнических групп в массовом сознании. Объем выборки составил N=723. Полученные данные позволяют говорить о том, что в общественных представлениях присутствует определенная иерархия народов. Измерение отношения к народам проводилось по шкале Богардуса. Можно выделить три группы народов: лидеры рейтинга по этническому статусу, народы, занимающие наиболее высокое положение в этнической иерархии в массовом сознании, — это по-прежнему «братские» славянские народы: русские, украинцы и белорусы (табл. 3). Хотя другие исследования свидетельствуют о снижении общего доверия к украинцам в результате межнационального конфликта на Украине последних лет.

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают данные Левада-Центра, Центра изучения национальных конфликтов и других о том, что мы

Таблица 3. Отношение к представителям различных народов

Отношение («Готовы ли вы их...»)	Русские	Украинцы	Белорусы	Выходцы из республик Северного Кавказа (РФ)	Выходцы с Кавказа и Закавказья	Выходцы из Средней Азии	Цыгане	Евреи	Китайцы	Американцы
1. Принять как близких родственников посредством брака	81.5	59.9	70.7	29.5	28.5	23.5	12.3	51	22.5	26.3
2. Принять как личных друзей	72.5	58.5	70.8	48.7	45.5	37.5	21.3	62.4	39.6	36.5
3. Принять как соседей, проживающих на моей улице	71.5	62.8	70.7	53.4	50.3	44.4	24.9	64.9	43.6	37.8
4. Принять как коллег по работе	69	58.4	66.7	50.1	47.3	40.9	20.9	62.4	43	38.2
5. Принять как граждан моей страны	73	54.1	62.5	52	45.4	39.6	31.8	60.4	35.7	30.4
6. Принять только как туристов в моей стране	4.6	15.5	12.4	17	23	28.9	19.2	13.3	37.5	36
7. Предпочли бы не видеть их в своей стране	0.1	6.2	1.5	8.	9.1	11.1	29	2.8	3.6	13.3
8. Затрудняюсь ответить	1	4.8	3.2	5.7	6.2	6.6	12.6	5	9	9.5

можем говорить о некотором сплочении российских граждан в последние несколько лет перед внешними угрозами, но достаточно высокий уровень ксенофобии продолжает оставаться серьезной угрозой стабильности в российском обществе, в том числе политической.

Общие выводы

Проведенный анализ социологических исследований этносоциальных процессов в современном российском обществе позволяет сделать ряд выводов о развитии самой науки, специфике этнических и конфессиональных проблем, путях и возможностях развития национальной политики в России.

Прежде всего хочется отметить понимание значимости исследований в этой области со стороны государства и научного сообщества. Более двухсот научных публикаций только в одном ведущем научном издании — «Социологические исследования» — с 1991 г. свидетельствуют о большом научном интересе к проблемам этноконфессиональных отношений. Более того, анализ показывает, что за последние годы во многом благодаря финансированию научных проектов со стороны российских научных фондов и развитию приоритетных направлений вузов и академических институтов количество исследований в этой сфере значительно увеличилось. Десятки текущих проектов, затрагивающих различные аспекты этнических и конфессиональных отношений и процессов, а также проводящих мониторинг указанных процессов, реализуются в таких крупных научных центрах, как ИС РАН, ИСПИ РАН, ИЭА РАН, МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ и др. Интерес, например, представляет проект ИСПИ РАН «Выявление специфики развития межконфессионального и межэтнического взаимодействия. Разработка системы показателей, состояние в регионах», в котором вырабатываются предложения по совершенствованию конкретных механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации с учетом региональных особенностей [17].

Этносоциальные проблемы носят комплексный характер и представляют сложность для изучения в силу деликатности сферы этнического для вторжения исследователя. Вследствие этого актуальность представляет как выработка новых методик изучения, так и ориентация на междисциплинарность в исследовании данных проблем. Особую важность приобретают фундаментальные научные разработки, направленные на мониторинг этноконфессиональных процессов, разработку стратегических направлений национальной политики, основывающейся на системе научно обоснованных показателей разного уровня (национальных, региональных, местных).

Среди исследовательских задач современного этапа можно выделить такие важные научно-практические задачи, как:

— исследование изменений в этнодемографической структуре российского общества, их динамики, тенденций. Выработка решений по обеспечению социальной стабильности. Проблемы этнической миграции, социальной мобильности этнических групп, а также естественной убыли русского населения являются здесь ключевыми. Не стоит забывать в рамках этой задачи и проблему статусного неравенства этнических групп, которая часто выступает фактором этнических конфликтов;

— выработка новой политики мультикультурализма с учетом особенностей российского общества, вписанной в модель национальной политики России. Проблемы ксенофобии и национализма, межкультурных и межконфессиональных отношений, формирования устойчивой гражданской идентичности требуют выработки особых подходов к решению в рамках этой задачи;

— задача серьезного общенационального и регионального мониторинга этнических противоречий и конфликтов с привлечением широкого круга экспертов из разных областей науки и практики: социологов, политологов, историков, психологов, этнологов, религиоведов, представителей органов власти, силовых структур и общественности. Такой мониторинг должен основываться на системе исследовательских центров в каждом регионе, использующих единую методику анализа и хранения данных. Эти исследования должны охватывать не только крупные города, но и малые, средние города, сельскую местность, учитывать все социальные и культурные аспекты конфликтов.

Конечно, даже в данном обзоре этносоциальных проблем в ракурсе современных исследований мы затронули лишь основные, не вдаваясь в подробный анализ многих проблем и сравнительных данных социологического мониторинга за весь период. Соответствующие проблемы требуют отдельного анализа их факторов, функций и особенностей динамики. Но надеемся, что выявленные закономерности будут способствовать решению обозначенных выше задач развития исследований в области этнических процессов и выработке новых подходов в национальной политике.

Литература

1. Сикевич З. В. Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994. 176 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12119810/friends> (дата обращения: 19.08.2015).
3. Савин С. Д. Воздействие этнонациональных версий исторического прошлого на массовое сознание современного российского общества // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО — 2016): Труды XIII Всерос. науч. конф. / Санкт-Петербург, 21–22 января 2016 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2016. С. 294–296.
4. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социс. 2014. № 7. С. 102–112.
5. Пронюшкина Е. В. Динамика становления этносоциологии в России // Вестник Поволжского института управления. 2008. № 3. С. 67–72.
6. Дробижева Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002, 480 с.
7. Русские: этносоциологические очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М.: Наука, 1992. 461 с.
8. Сикевич З. В. Русские: «образ» народа. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 152 с.
9. Хоперская Л. Л., Харченко В. А. Управление локальными межэтническими конфликтами: теория и практика // ЖССА. 2004. Т. 76, № 3. С. 161–181.
10. Реформирование России: мифы и реальность (1989–1994) / авт.-сост.: Г. В. Осипов (руководитель), В. Н. Иванов, В. К. Левашов, В. В. Локосов, А. Т. Хлопьев. М.: Academia, 1994. 510 с.
11. Гудков Л. Д. Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. 2003. № 1 (67). С. 28–44.
12. Леонова А. Настроения ксенофобии и электоральные настроения в России в 1994–2003 гг. // Вестник общественного мнения. 2004. № 4. С. 83–91.

13. Брим Р. Русский антисемитизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 3. С. 43–47.
14. «Гроздь гнева» — 1. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения: 11.09.2015).
15. «Гроздь гнева» — 2. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (дата обращения: 11.09.2015).
16. Общественное мнение — 2014. М.: Левада-Центр, 2015. 234 с.
17. Социологические исследования / Институт социально-политических исследований РАН. URL: http://isprras.ru/pages_17/index.html (дата обращения: 19.10.2015).

References

1. Sikevich Z. V. *Etnosotsiologiya: natsional'nye otnosheniia i mezhnatsional'nye konflikty* [Ethnology: national relationships and ethnic conflicts]. St. Petersburg, 1994. 176 p. (In Russian)
2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 7 iunia 2000 g. № 10-P po delu o proverke konstitutsionnosti otel'nykh polozenii Konstitutsii Respubliki Altai i Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii»* [The constitutional court resolution at 07.06.2000 number 10-P concerning constitutionality of some clauses in Republic Altai constitution and federal law "on the main principals of organization in legislative and executive branches of power of federal subjects"]. Available at: <http://base.garant.ru/12119810/> friends (accessed 19.08.2015).
3. Savin S. D. *Vozdeistvie etnonatsional'nykh versii istoricheskogo proshlogo na massovoe soznanie sovremennogo rossiiskogo obshchestva* / Informatsiia — Kommunikatsiia — Obshchestvo (IKO — 2016): Trudy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii / Sankt-Peterburg, 21–22 ianvaria 2016 g. [The impact of ethno-national versions of the past on mass consciousness of modern Russian society / Information — Communication — Society (ICS-2016): Proceedings of the XIII All-Russian scientific conference / St. Petersburg, January 21–22, 2016]. St. Petersburg, The Publishing House of St. Petersburg Electrotechnical University, 2016, pp. 294–296. (In Russian)
4. Arutiunian Iu. V., Drobizheva L. M. *Proidennnye puti i nekotorye problemy sovremennoi rossiiskoi etnosotsiologii* [Passed ways and some problems of modern Russian ethnology]. *Sotsis*, 2014, no. 7, pp. 102–112. (In Russian)
5. Proniushkina E. V. *Dinamika stanovleniia etnosotsiologii v Rossii* [Dynamics of formation of ethnic sociology in Russia]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia*, 2008, no. 3, pp. 67–72. (In Russian)
6. Drobizheva L. M. *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniia i real'nost'* [Social inequality of ethnic groups: opinions and reality]. Moscow, Academy Publ., 2002. 480 p. (In Russian)
7. *Russkie: etnosotsiologicheskie ocherki* [Russians: ethnological essays]. Ed. by Y. V. Arutyunyan. Moscow, Nauka Publ., 1992. 461 p. (In Russian)
8. Sikevich Z. V. *Russkie: «obraz» naroda* [Russians: image of nation]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996. 152 p. (In Russian)
9. Khoperskaia L. L., Kharchenko V. A. *Upravlenie lokal'nymi mezhetnicheskimi konfliktami: teoriia i praktika* [Local ethnic conflict's management: theory and practice]. *ZHSSA [Journal of sociology and social anthropology]*, 2004, vol. 7, no. 3, pp. 161–181. (In Russian)
10. *Reformirovanie Rossii: mify i real'nost' (1989–1994)* [Russia's reform: myths and reality (1989–1994)]. Avt.-sost.: G. V. Osipov (rukovoditel'), V. N. Ivanov, V. K. Levashov, V. V. Lokosov, A. T. Hlop'ev. Moscow, Academy Publ., 1994. 510 p. (In Russian)
11. Gudkov L. D. *Massovaia identichnost' i institutsional'noe nasilie* [Mass identity and institutional violence]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Public opinion bulletin], 2003, no. 1, vol. 67, pp. 28–44. (In Russian)
12. Leonova A. *Nastroeniia ksenofobii i elektoral'nye nastroyeniia v Rossii v 1994–2003 gg.* [Xenophobic attitudes and electoral opinions in Russia in 1994–2003]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Public opinion bulletin], 2004, no. 4, pp. 83–91. (In Russian)
13. Brim R. *Russkii antisemitizm* [Russian antisemitism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya ehkonomicheskie i socialnye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 1999, no. 3, pp. 43–47. (In Russian)
14. «Grozd'ia gneva» — 1 [The Grapes of Wrath-1]. Available at: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (accessed 11.09.2015).
15. «Grozd'ia gneva» — 2 [The Grapes of Wrath-2]. Available at: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (accessed 11.09.2015).
16. *Obshchestvennoe mnenie — 2014* [Public opinion]. Moscow, Levada-Tsentr Publ., 2015. 234 p.

17. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies]. Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniï RAN [Institute of Social and Political Studies RAS]. Available at: http://isprras.ru/pages_17/index.html (accessed 19.10.2015).

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Родионова Елизавета Валерьевна — кандидат социологических наук; rodel@yandex.ru

Савин Сергей Дмитриевич — кандидат социологических наук; s.savin@spbu.ru

Rodionova Elizaveta V. — PhD; rodel@yandex.ru

Savin Sergey D. — PhD; s.savin@spbu.ru